

УДК 811.161.1'37:82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2020.3.148

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ «ГОРДОСТЬ» И «ЛЮБОВЬ» В ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ: ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ КЛЮЧЕВЫХ ЛЕКСЕМ

А. В. Некрасова

Тверской государственный медицинский университет
кафедра русского языка

Задача духовно-религиозного возрождения России связана с необходимостью нового прочтения русской классической литературы. Одним из инструментов изучения духовной прозы является реконструкция лексико-семантических полей, репрезентирующих явления христианской жизни. Своеобразие мировоззрения Н. В. Гоголя, его взгляды на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития в статье уточняются на примере выявления узусуальных и контекстуальных значений и смыслов лексем *гордость* и *любовь*.

Ключевые слова: *Н. В. Гоголь, гордость, любовь, лексико-семантическое поле, узусуальные и контекстуальные значения и смыслы, «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии».*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что духовная составляющая современной России основывается на традиционных ценностях, которые коренятся в православии, отображаются в христиански ориентированных произведениях русской классической литературы, нуждающихся в углубленном прочтении, в том числе базирующемся на лингвистических технологиях.

Объект исследования – духовная проза Н. В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии»), отражающая взгляды позднего Гоголя на место христианской составляющей в российской жизни, **предмет** – функционирование в текстах Гоголя лексем, именующих грехи и добродетели, в том числе существительных *гордость* и *любовь* как оппозитивных дескрипторных лексем одноименных лексико-семантических полей.

Цель работы – реконструкция лексико-семантического поля (ЛСП) «Гордость / любовь» как центральной фасеты более объемного поля «Грехи / добродетели» [12], опредмечивающего лингвоконцептуальное ядро духовной прозы Гоголя, выявление на этой лингвистической основе особенностей языковой личности Гоголя как православного христианина.

Методы и процедура исследования. На основе лексико-семантического и лексико-стилистического анализа – выявление, системати-

зация и интерпретация узуальных и контекстуальных сакрально-религиозных (христианских) и секулярных значений и смыслов лексем *гордость / любовь* и морфосемантически связанных с ними других лексем с корнями *горд-* и *люб-*, которые в совокупности составляют ядро ЛСП «Гордость / любовь», реконструируемого на материале духовной прозы Гоголя. Узуальные значения ключевых лексем выявляются на основе академических словарных данных; прежде всего это Словарь В.И. Даля – наиболее близкий из авторитетных толковых словарей ко времени жизни Гоголя, отличающийся необходимой полнотой, поэтому в реконструкции гоголевской семантики интересующих нас лексем опираемся в первую очередь на него. Контекстуальные смыслы ключевых лексем выявляются на основе контент-анализа тех наиболее репрезентативных фрагментов духовной прозы Гоголя, которые включают рассматриваемые лексические единицы.

Теоретическая база исследования – лингвистическая семантика и стилистика, лингвокультурология, филологическая герменевтика, исследования о феномене «духовной прозы» и «духовного реализма» в русской литературе, относительно которого специалисты отмечают: «Строго говоря, в логике духовного реализма прямо или косвенно может быть интерпретирована вся русская классика XIX века» [4, с. 50]. Лексико-семантическая и герменевтическая интерпретация материала осуществляется с учетом святоотеческой традиции и русской религиозной философии.

Теоретическая основа работы – перечень «сверхценностей» (бытийных ценностей, «метапотребностей»), которые составляют основу личности и поведения людей, характеризующихся противоположными свойствами *гордости* и *любви*. В рамках лингвистического исследования целесообразно опираться на перечень, который определяется набором базовых векторов взаимодействия субъекта: 1) с самим собой, 2) с другими людьми; 3) с Богом [2, с. 166]. Этот перечень коррелирует с фундаментальными заповедями христианства: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22: 37–40). Именно эти заповеди и следующие из них векторы взаимодействия субъекта – как глубинные «семантические доминанты», акцентирующие «внутрипроизведенческий» смысл [3, с. 279], – составляют концептуальный фундамент всей духовной прозы Гоголя, в том числе организуют семантические структуры лексем *гордость*, *любовь* и смежных с ними.

Состав ЛСП «Гордость / любовь»

В качестве операциональных дескрипторных репрезентантов рассматриваемых ЛСП в данной работе используются корневые морфемы *горд-* / *люб-* и соотносительные с ними морфосемантические гнезда однокоренных слов. В текстах «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 36 словоупотреблений лексем с корневым дескрипторным компонентом *горд-*, 188 – с *люб-* (кроме не учитываемых нами слов типа *любой*, *любезный*, *любоваться*, *любопытный*, *любопытство* и однокоренных им, где налицо опрощение или омонимия), в «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено два словоупотребления с *горд-* и 57 – с *люб-*. Статистически и лексико-семантически доминантные лексемы, выступающие как прямые именованные соответствующих грехов / добродетелей – *любовь* / *любить* и *гордость*.

Данные о составе и структуре поля (в скобках количество словоупотреблений):

1) прямые дескрипторные и придескрипторные именованные грехов / добродетелей, составляющие ядро ЛСП: *гордость* (20), *гордыня* (1); *любовь* (103), *честолюбие* (9), *самолюбие* (7), *человеколюбие* (3), *себялюбие* (1), *чинолюбие* (1), *нелюбовь* (1);

2) «лицо»: *любитель* (3), *Возлюбленный* (1), *Человеколюбце* (1), *любы* (1), *честолюбец* (1);

3) атрибутивные признаки лиц: *гордый* / *горд* (13), *гордящийся* (1); *любимый* / *любим* (8), *человеколюбивый* (6), *любящий* (4), *любовный* (3), *браннолюбивый* (1), *науколюбивый* (1), *миролюбивый* (1), *нелюбяй* (1);

4) процессуальные признаки лиц: *гордиться* (1), *возгордиться* (1); *любить* (39), *полюбить* (19), *возлюбить* (8);

5) признаки действий, состояний: *гордо* (1); *полюбивши* (4), *любовней* (2), *полюбовно* (1), *миролюбиво* (1), *чадолюбно* (1).

Найденные 283 словоупотребления представлены в 113 текстовых фрагментах духовной прозы Гоголя, в среднем 2,5 словоупотребления на один фрагмент, что позволяет говорить о наличии особо репрезентативных фрагментов, специально нацеленных на экспликацию нравственной проблематики, связанной с понятиями «любовь / гордость». Те достаточно обширные фрагменты, которые являются наиболее репрезентативными (максимально насыщенными лексемами с однотипной морфосемантикой), не поддаются целесообразному делению на более простые, структурно соотносящиеся, например, со словосочетанием или простым предложением.

Наиболее репрезентативные фрагменты содержат рассуждения о гордости / любви, их проявлениях и их свойствах, – как о явлениях, состоящих в непосредственной связи друг с другом; в обширных фрагментах

наблюдаются различные феномены лексико-семантической внутритекстовой связи, а именно: синтагматически рядопологаются разнокоренные лексемы с общей архисемой (*гордость, честолюбие, самолюбие*), формы одного слова (*гордости, гордость*), наблюдаются буквальные лексические повторы (*горд, горд*), текстуальное «нанизывание» однокоренных слов с разными словообразовательными элементами (*полюбить, любви, любимо*), текстуальное сопряжение омонимичных словоформ («носил эту *любовь*» и «откуда взялась эта *любовь?*»), окказиональная омонимизация слов с разным написанием (*Любви, любви*).

ЛСП «Гордость» (лексемы с дескрипторным морфем *горд-*)

Современные представления о гордости в суммарной энциклопедической характеристике – амбивалентны; *гордость* понимается как «... чрезвычайно высокая оценка человеком собственных достоинств. В зависимости от этической и культурной традиции и в зависимости от соответствия высокой самооценки реальным свойствам индивида <...> может трактоваться и как добродетель, и как порок» [17, с. 90]. Это сравнительно новое представление: этимологические данные, далее христианская (сакрально-религиозная) традиция понимания гордости, материалы (преимущественно секулярного) Словаря В. И. Даля, фиксирующего особенности русского языкового сознания первой половины – середины XIX века, оценивают *гордость* (и *гордыню* как словообразовательный вариант *гордости*) однозначно – как качество негативное.

Данные этимологических словарей позволяют считать, что семантический этимон современных русских слов с горнем *горд-* (прежде всего непроизводного прил. *гордый*) – аксиологически негативное личностное качество; отмечается, в частности, что «старшее значение» общеславянского **gьrdь* было «придирчивый > высокомерный» [21, с. 204], ст.-слав. *грьдь* – «заносчивый», «величественный, страшный» [22, с. 206].

В Словаре В. И. Даля лексемы *гордость, гордыня* размещены в теле словарной статьи «Гордый»; будучи синтаксическими дериватами, толкуются отсылочно, с лаконичной синонимизацией, ср.: «**Гордость, гордыня, горделивость** <...> качество, свойство гордого; надменность, высокомерие». Заголовочное прил. *гордый* синонимизируется с *гордынный* (< *гордыня*) и *гордостный* (< *гордость*); вокабула *гордый* толкуется посредством неупорядоченного ряда синонимов, которые представляется возможным разделить – в соответствии с названными выше «векторами взаимодействий субъекта» – на две группы: 1) группа «Я сам» (внутреннее состояние человека *гордого*, результирующее в характерные внешние проявления): «надменный, высокомерный, кичливый; надутый, высоконосый, спесивый, зазнающийся»; 2) группа «Я и другие» (отноше-

ние человека *гордого* к другим людям, результирующее в специфические особенности взаимодействия с окружающими): «кто ставит самого себя выше прочих». Эти две группы хорошо соотносятся с деревом значений производного глагола *гордиться*: (1) «Я сам»: «быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться <...> быть самодовольным»; (2) «Я и другие»: «хвалиться чем-л., тщеславиться; || ставить себе что-л. в заслугу, в преимущество» [6, т. 1, с. 378].

Отмечаем: в Словаре Даля, во-первых, группа (3) «Я и Бог» в толкованиях прил. *гордый* и его производных не представлена, – вероятно, в силу секулярной ориентированности словаря; во-вторых, все толкования (*надменность, высокомерие, кичливый* и т. д.) носят этически осуждающий характер (аксиологически негативные оценки *гордости, гордость* трактуется как «антиценность»).

В современных словарях, в отличие от Словаря Даля, различают *гордость* и *гордыню*. *Гордыня* трактуется предельно кратко, отсылочно – как «непомерная гордость» [13, с. 218], оказывается в ряду этически осуждаемых качеств (аксиологический «минус»).

Толкования *гордости* в современных словарях фиксируют аксиологическую двойственность представлений о гордости.

1. Группа толкований «Я сам» фиксирует, с одной стороны, этическое одобрение высокой позитивной самооценки субъектом самого себя (*гордость* трактуется как чувство собственного достоинства, самоуважения [Там же, с. 218], высокие моральные, профессиональные требования, которые человек предъявляет к себе и которым стремится соответствовать [8, с. 229]); с другой стороны, этическое неодобрение высокой позитивной самооценки субъектом самого себя – при условии, что такая оценка не соответствует действительности (*гордость* трактуется как преувеличенно высокое мнение о себе [9, с. 327]).

2. Группа толкований «Я и другие» также аксиологически двойственна: с одной стороны, *гордость* трактуется как чувство радости, глубокого удовлетворения от достигнутых кем-л. успехов, от сознания важности, значительности чьей-л. деятельности [Там же], от осознания талантов, положительных качеств, присущих кому-л. [8, с. 229] (аксиологический «плюс»); с другой стороны, *гордость* трактуется как пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, надменность [9, с. 327] (аксиологический «минус»).

Выводы: во-первых, в современных толкованиях, как и в Словаре Даля, не представлена группа (3) «Я и Бог»; во-вторых, в группах (1, 2) «Я сам» и «Я и другие», в отличие от Словаря Даля, фиксируется аксиологическая амбивалентность как позитивной самооценки субъекта гордости, так и позитивной оценки проявлений гордости субъекта во взаимодействиях с другими людьми.

Святоотеческое понимание гордости как главного из восьми основных грехов, корня всем остальным, в отличие от секулярных прочтений, основывается на векторе (3) «Я и Бог». *Гордость* – полный синоним *гордыни* [18, с. 113]. Чувство собственного превосходства над другими людьми несовместимо с христианством, поскольку «противоречит Творцу, создавшему всех людей равными» [15, с. 662]. В Библии гордость «не выступает как положительное качество» [11, с. 111], – напротив, ср.: «Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь» (Притч 29: 23); «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин 2: 16).

В наставлениях прп. аввы Дорофея о двух видах гордости прослеживается взаимосвязь и иерархия векторов взаимодействия субъекта: «Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше его: таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщание, а не помощью Божию» [1, с. 65–66].

Гордость является страстью, «которая порождает все другие, а немногие оставшиеся замещает по мере победы над ними». Сама являясь «грехом по преимуществу, гордость может быть названа им в собственном смысле слова» [14, с. 23]. «Где совершилось грехопадение, – пишет прп. Иоанн Лествичник, – там прежде водворялась гордость. Один почтенный муж сказал мне: “Положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати”» [10, с. 280].

Назовем ключевые коммуникативные смыслы (КС) лексем с корневой морфемой *горд-*, процитируем актуализующие эти смыслы фрагменты, с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики (далее курсив в цитатах мой. – А. Н.):

КС-1: ‘гордость как необоснованно высокая самооценка’, ср.: «Ты *горд* – говорю тебе, и вновь повторяю тебе: ты *горд*; сторожи над собой и спасай себя от *гордости* заранее. Начни с того, что уверь самого себя, что ты всех глупее в России, и что с этих только пор следует серьезно поумнеть тебе...» [5, с. 135];

КС-2: ‘гордость как обоснованно высокая оценка своих достоинств’, ср.: «Не мешает заметить, что это был тот поэт <Пушкин>, который был слишком *горд* и независимостью своих мнений, и своим личным достоинством» [Там же, с. 45];

КС-3: ‘гордость как глубокое удовлетворение достоинствами других’, ср.: «Вот отчего так *гордо* затрепетало его <Пушкина> сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры...» [Там же, с. 50];

КС-4: ‘гордость – противоположность смирения и любви как главных свойств христианского Бога, вочеловечившегося ради людей’, ср.: «Вопли услышались: явился в мир, *Им же мир бысть*; среди нас явился в образе человека, как предчувствовали, как предслышали и в темной тьме язычества, но не в том только, в каком представляли Его неочищенные понятия – не в *гордом* блеске и величии, не как каратель преступлений, не как судия, приходящий истребить одних и наградить других. Нет! Послышалось кроткое лобзание брата» [Там же, с. 350].

КС-1 – гордость как греховная страсть самолюбования и самовозвеличивания, непосредственно соотносящийся с сакрально-религиозным мировоззрением, представленный наиболее широко (32 словоупотребления: 5 – *гордый*; 5 – *горд*; 19 – *гордость*; 1 – *возгордиться*; 1 – *гордящийся*; 1 – *гордыня*), отражает устойчиво сложившееся в святоотеческой традиции представление о гордости / гордыни двух родов: «духовной» («монашеской») и «плотской» («мирской»). В гоголевском тексте такая схема находит воплощение и уточняется: есть гордость «духовная» (чистотой своей и умом) и гордость «ребяческая, *гордость* своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием» [Там же, с. 198–199].

Признаки 2-4 соотносятся исключительно с секулярным представлением о гордости и наличествуют всего в шести контекстах. Признак 2 (два словоупотребления: 1 – *гордый*; 1 – *горд*) связан с идеей служения России, с особой миссией правителя, с любовью к отечеству. Признак 3 (два словоупотребления: 1 – *гордиться*; 1 – *гордо*) обобщает мысли об избранности писателя (контексты: пушкинская и байроновская гордость). Лексема *гордый* в случае 4 (два словоупотребления: 1 – *гордый*; 1 – *гордость*) не несет в своем значении нагрузки, связанной с надмением, превосходством, а характеризует страх, трепет от вызываемых кем-л. или чем-л. величия, величественности.

ЛСП «Любовь» (лексемы с дескрипторным морфом *люб-*)

Любить > *любовь* – слова с общеславянским истоком **lubiti(se)* [23, с. 174–175], с очень обобщенным семантическим этимологом, сводящимся к формулам «переживать влечение, сильное тяготение, непреодолимую привязанность в кому-л.», «иметь склонность, пристрастие к чему-л.» [21, с. 497], который в различных контекстах обрастает разнообразными конкретизирующими значениями и смыслами, – настолько различными, что они ставят лексемы *любить* > *любовь* на грань между

расходящейся полисемией и омонимией. В древнегреческом задача номинации разных аспектов любви решалась за счет разных лексем, ср.: *ἔρως* – наиболее общее значение «страстное желание, горячее стремление» [7, т. 1, с. 670], *φιλία* – «привязанность, дружба» [Там же, т. 2, с. 1727], *ἀγάπη* – «любовь» > «братские трапезы (у христиан ранних веков)» [Там же, т. 1, с. 17]. От любви как недифференцированного «страстного желания, горячего стремления» (*ἔρως*) четко отграничены представления о привязанности к кому-чему-л. (*φιλία*) и духовной, братской близости, как у христиан (*ἀγάπη*).

Русские лексемы *любить* / *любовь* очень многозначны, в зависимости от специфики номинируемых субъект-субъектных или субъект-объектных отношений выражают разнообразные смыслы, разграничить которые затруднительно. Особые сложности представляет задача выделения сакрально-религиозной компоненты любви, что в контексте данной работы является ключевой задачей. Так, толкования *любви* в Словаре В.И. Даля соотносятся лишь с группой (2) «Я и другие», ср.: «... состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделье; охота, расположение к чему» [6, т. 2, с. 282]; то же видим и в современных словарях, с уточнениями, например, по основаниям любви (общность интересов или идеалов, инстинкт, половое влечение), по специфике внутреннего состояния субъекта (склонность, расположение, влечение) и др. [8, с. 557; 13, с. 506; 20, с. 104].

Сакрально-религиозные смыслы *любви* как тесной духовной связи (группа 3 «Я и Бог») являются доминантными в христианском дискурсе, ср.: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15: 12–13). По христианскому учению, любовь – «... высшая христианская добродетель, одно из имен Божиих...» [16, с. 58].

Применительно к духовной прозе Гоголя существенно отметить, что, по святителю Тихону Задонскому, подлинно христианская любовь к ближнему должна быть согласна с любовью к Богу: «В противном случае, любовь к человеку должна уступить любви Божией. Бога бо должно любить паче всякого создания, паче всякого человека и паче себя самого» [14, с. 106].

Существо труда, способного привести к стяжанию подлинной христианской любви, – в слове апостола: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор 13: 4–8).

Контекстуальная семантика сущ. *любовь* и однокоренных с ним в духовной прозе Гоголя резко отличается, «не вписывается» в секулярные дефиниции толковых словарей. Своеобразие – в сакрально-религиозных или сакрализованных смыслах. Основываясь на христианском прочтении *любви*, которая соотносится с выделенной нами третьей группой «Я и Бог», Гоголь развивает ее до отношения «Мы и Бог», где условное коллективное «мы» предстает как любой гражданин России, должный, по Гоголю, руководствоваться во всех своих делах любовью – к ближним, Богу, своему делу, которое в конечном счете ради ближних и ради России. Показываем конкретные фрагменты – с необходимыми комментариями относительно контекстуальной семантики (КС) лексем с корневой морфемой *люб-*:

КС-1: ‘любовь к ближним’ (83 словоупотребления: 38 – *любовь*; 12 – *любить*; 11 – *полюбить*; 4 – *полюбивши*; 2 – *возлюбить*; 2 – *любовней*; 2 – *человеколюбивый*; 1 – *человеколюб*; 1 – *человеколюбие*; 1 – *любимый*; 1 – *любим*; 1 – *полюбивший*; 1 – *дружелюбнее*; 1 – *любивший*; 1 – *нелюбовь*; 1 – *нелюбая*; 1 – *чадолюбно*; 1 – *полюбовно*; 1 – *миролюбиво*); условие и непереносное проявление такой любви – *служение* ближним, ср.: «Подвиг на подвиге предстоит вам на всяком шагу, и вы этого не видите! Очнитесь! Куриная слепота на глазах ваших! Не залучить вам *любви* к себе в душу. Не *полюбить* вам людей по тех пор, пока не послужите им. Какой слуга может привязаться к своему господину, который от него вдали и на которого еще не поработал он лично? Потому и *любимо* так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, все употребила на него и вся из-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш – Россия!» [5, с. 96];

КС-2: ‘любовь к Богу’ (48 словоупотреблений: 23 – *любовь*; 4 – *полюбить*; 4 – *Человеколюбец*; 3 – *любить*; 3 – *любимый*; 3 – *любящий*; 2 – *любовный*; 2 – *человеколюбие*; 1 – *Человеколюбец*; 1 – *возлюбить*; 1 – *Возлюбленный*; 1 – *любы*); условие такой любви – любовь к «братьям» (к ближним), ср.: «Без *любви* к Богу никому не спастись, а *любви* к Богу у вас нет. В монастыре ее не найдете; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда Сам Бог. Без воли Бога нельзя и *полюбить* Его. Да и как *полюбить* Того, Которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у Него эту *любовь*? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой *любви* и слышат одну только черствость да холодную пустоту в душах. Трудно *полюбить* того, кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в *любви* к братьям получаем *любовь* к Богу. Стоит только *полюбить* их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге *любовь* к Богу Самому» [Там же, с. 88–89];

КС-3: 'любовь к (своему) делу' (42 словоупотребления: 19 – *любить*; 9 – *любовь*; 3 – *любимый*; 3 – *любитель*; 2 – *полюбить*; 2 – *влюбить* – ся; 1 – *возлюбить*; 1 – *любящий*; 1 – *наилюбимейший*; 1 – *браннолюбивый*); результат такой любви – успешное исполнение дела, ср.: «Умей только заставить актера-художника взяться за это дело, как за свое собственное, родное дело <...> – и он это сделает, он это исполнит, потому что *любит* свое искусство» [Там же, с. 62–63];

КС-4: 'любовь к земле, отечеству, России' (39 словоупотреблений: 19 – *любить*; 9 – *любовь*; 4 – *возлюбить*; 4 – *человеколюбивый*; 2 – *полюбить*; 1 – *полюбивши*); условие и неперенное проявление такой любви – делать нужное ей «дело», ср.: «Кто из пустых приличий света портит дело, нужное своей земле, тот ее не *любит*. Я почувствовал презренную слабость моего характера, мое подлое малодушие, бессилие *любви* моей, а потому и услышал болезненный упрек себе во всем, что ни есть в России. Но высшая сила меня подняла: проступков нет неисправимых, и те же пустынные пространства, нанесшие тоску мне на душу, меня восторгнули великим простором своего пространства, широким поприщем для дел» [Там же, с. 80];

КС-5: 'любовь Государя к «народам»', в которой проявляется его «образ Божий» (три словоупотребления: 3 – *любовь*), ср.: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна *любовь*, и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша. <...> Все к тому ведет, чтобы вызвать в Государях высшую, Божескую *любовь* к народам» [Там же, с. 45];

КС-6: 'любовь как основание Божественной Литургии', неперенное условие сохранения целостности «общества» (восемь словоупотреблений: 8 – *любовь*), ср.: «И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной *любви* к брату. А потому кто хочет укрепиться в *любви*, должен, сколько можно чаще, присутствовать, со страхом, верою и *любовию*, при Священной Трапезе *Любви*» [Там же, с. 394–395].

Как явствует из приведенных фрагментов, частные контекстуальные смыслы находятся в тесной внутритекстовой взаимосвязи, в совокупности отображают целостное представление Гоголя о благополучии граждан и всей страны как основывающемся на христианском принципе *любви*, ср.: 'любовь к Богу' (КС-2) своим условием имеет 'любовь к ближним' (КС-1), 'любовь к земле, отечеству, России' (КС-4), на которую повествователя поднимает, по его признанию, «высшая сила», своим условием и неперенным проявлением имеет 'любовь к (своему) делу' (КС-3),

‘любовь Государя к «народам»’ (КС-5) – следствие того, что «Государь есть образ Божий», земное воплощение Божественной любви, которая, в свою очередь, по итожащему контекстуальному смыслу, явлена в «Божественной Литургии» (КС-6).

Взаимосвязь частных смыслов обусловлена единящим их центральным представлением о духовной, братской близости людей в Боге (в христианской *любви*) как основе всего земного устройства, что хорошо соотносится с тем универсальным определением любви, которое было найдено впоследствии классиком русской религиозной философии В.С. Соловьевым: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни» [19, с. 511].

По-своему органично – акцентирующим гармонию диссонансом вписывается в этот ряд КС-7 (два словоупотребления: 1 – *любовный*; 1 – *любовница*): ‘любовь как чувство, основанное на половом влечении’, – такое чувство, которое само по себе, вне одухотворенности, бессмысленно, ср.: «Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, странные, бессмысленные *любовные* узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые...» [5, с. 188]. Добавим: в «Правиле жизни в мире» Гоголь разъясняет, как любовь к ближним соотносится с представлением о любви в сакральном ее смысле: «Равным образом и на всякую земную *любовь* нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать, как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной *любви* Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная *любовь* Божия, которую ничто не вместит, как ничто не может вместить Самого Бога» [Там же, с. 304].

КС-8: ‘необоснованно высокая оценка собственных качеств, свойств’, то есть ‘гордыня’, ‘тщеславие’ (двадцать словоупотреблений: 9 – *честолюбие*, 7 – *самолюбие*, 1 – *себялюбие*, 1 – *чинолюбье*, 1 – *честолюбец*, 1 – *влюбиться*), ср.: «Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века *влюбилось* в чистоту и красоту свою. Никто не стыдится хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других» [Там же, с. 199].

Признаки 1, 2, 4, 5 находятся в тесной связи друг с другом: без любви к России, по мысли писателя, нет любви к Богу и к братьям; без любви к ближнему нет любви к Богу [Там же, с. 8–89, 97, 100, 107]; а любовь к ближним стяжается благодаря милости Государя (из-

вестно, что пристрастное отношение к царю в светском смысле связано было с материальной поддержкой; непристрастное, основанное на идее богоизбранности предполагает «полномощность» власти, монарха [Там же, с. 121, 42]).

Признак 8, не соотносящийся с вектором «Я и Бог», основывается на группах толкований «Я сам» (как *гордость / гордыня*), «Я и другие» (как *тщеславие*) и рассматривается как нарушение связи творения с Творцом, при этом трактуется в гоголевском тексте крайне отрицательно.

Заключение

Двучастное поле «Грехи / добродетели» в духовной прозе Гоголя включает шестнадцать соотносительных микрополей, различающихся по значимости «страстей» (греховных навыков) и соответствующих им добродетелей. Цепь грехов и пути борьбы с ними в святоотеческой традиции понимаются как основывающиеся на *гордости* и *любви*. В духовной прозе Гоголя эти лексемы выражают преимущественно церковно-религиозные (сакральные) узуальные значения и контекстуальные смыслы – в их соотносительности с секулярными. Высокая частотность лексем с корневыми морфемами *горд-* / *люб-* свидетельствует о том, что явления, обозначаемые этими лексемами, являются ключевыми в духовной прозе писателя. Духовно-нравственное здоровье России и россиян, по представлениям Н.В. Гоголя, обуславливается следованием основополагающим принципам христианства.

Список литературы

1. Авва Дорофей, преп. Душеполезные поучения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 432 с.
2. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: Учеб. пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 221 с.
3. Волков В.В., Волкова Н.В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
4. Волков В.В., Гладилина И.В., Скаковская Л.Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 3. С. 49–54.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. М.; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 744 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999.
7. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

8. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
10. Иоанн Лествичник, преп.. Лествица. М.: Благовест, 2013. 640 с.
11. Литвинова Л. В. Гордость // Православная энциклопедия. Т. 12. М.: Правосл. энциклопедия, 2006. С. 108–112.
12. Некрасова А. В. Реконструкция текстового лексико-семантического поля как метод изучения духовной прозы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 86–91.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2018. 1376 с.
14. Павлык Н. Грех и добродетель по учению святителя Тихона Задонского. М.: Русский Хронограф, 2011. 386 с.
15. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Возрождение, 1992. 1119 с.
16. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 42. М.: Православная энциклопедия, 2016. 752 с.
17. Прокофьев А. В. Гордость // Этика: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 90–92.
18. Складаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
19. Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.
20. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. 1040 с.
21. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2001. 624 с.
22. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. 224 с.
23. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 15 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1990. 263 с.

**LEXICAL-SEMANTIC FIELDS “PRIDE” AND “LOVE”
IN N. V. GOGOL’S SPIRITUAL PROSE:
MEANING AND SENSE OF KEY LEXEMES**

A. V. Nekrasova

Tver State Medical University
the Department of Russian Language

The purpose of spiritual and religious revival of Russia is connected with the need for a new reading of Russian classical literature. One of the tools for studying spiritual prose is the reconstruction of lexical and semantic fields that represent the phenomena of Christian life. The originality of Gogol’s world-

view, his views on the place of the Christian components in the social and spiritual life of Russia, on the way of its development are clarified in the article by examples of identifying the usual and contextual meanings and senses of lexemes *pride* and *love*.

Keywords: *N. V. Gogol, pride, love, lexical-semantic field, usual and contextual meanings and senses, "Selected passages from correspondence with friends", "Reflections on the divine Liturgy".*

Об авторе:

НЕКРАСОВА Анна Вячеславовна – ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, г. Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: nekrasova3004@yandex.ru.

About the author:

NEKRASOVA Anna Vyacheslavovna – Lecturer at the Department of Russian Language, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: nekrasova3004@yandex.ru.